

Электронная библиотека
Гражданское общество в России

М. М. Кудюкина

Крестьянство и власть в 1920-е годы

Электронный ресурс

URL: <http://www.civisbook.ru/files/File/Kudyukina.pdf>

Перепечатка с сайта Института
социологии РАН <http://www.isras.ru/>

URL: <http://www.civisbook.ru>

КРЕСТЬЯНСТВО И ВЛАСТЬ в 1920-е годы

1920-е годы представляют особый интерес для изучения взаимоотношений власти и крестьянства. Это десятилетие начиналось с победы большевиков в гражданской войне и отказа от политики военного коммунизма, а закончилось возвратом к чрезвычайным мерам и нарастанием крестьянского сопротивления. В промежутке власть делала попытки проводить политику, которая хотя бы в какой-то степени отвечала интересам крестьян, а с другой стороны, у крестьян сохранялась иллюзия, что власть действительно может прислушаться к ним и воплотить в жизнь хотя бы некоторые их требования.

В этом периоде многие исследователи искали и ищут альтернативы развития нашей страны. «Хлебозаготовительные трудности», переросшие в кризис экономического, социального и политического развития деревни конца 20-х гг., казалось, имели много общего с ситуацией 1920 г. Соответственно одним из вероятных путей дальнейшего развития теоретически могла стать либерализация политики в отношении крестьянского хозяйства с постепенным нарастанием веса и влияния колхозно-кооперативного сектора (так называемая «Бухаринская альтернатива»), т. е. скорректированная новая экономическая политика. Однако в реальности началась сплошная коллективизация — важнейшая составляющая так называемой «революции сверху», которая привела к социальным катаклизмам, упадку сельской экономики. Причины «революции сверху» сложны¹ и не сводятся только к ситуации 20-х гг., но без исследования взаимоотношений власти и крестьянства в тот период невозможно объяснить события рубежа 20—30 гг.

В деревне наиболее ярко проявилось основное противоречие нэпа — между экономическими задачами (восстановление и развитие экономики) и политической целью, официально декларируемой как укрепление союза рабочего класса и трудового крестьянства, а в действительности — оформление жесткой однопартийной системы управления с подавлением любой, даже иллюзорной альтернативы. Это основное противоречие предопределило и зигзаги официальной политики в отношении крестьянства.

Восстановление сельской экономики, невозможное без расширения крестьянской хозяйственной инициативы, неизбежно вело к увеличению количества крепких середняцких и зажиточных хозяйств, которые, с точки зрения власти, априорно были противниками советской власти. Союзником пролетариата считались лишь деревенская беднота и батрачество, т. е., в соответствии с традиционными крестьянскими представлениями, часть сельского общества с самым низким социальным статусом. «Трудовое среднее крестьянство», которое составляло большинство сельского населения, расценивалось как крайне непоследовательный союзник бедноты в борьбе с кулачеством.

Необходимо упомянуть и то, что правящая элита плохо представляла реальную ситуацию в деревне, переоценивала степень политизированности и социального расслоения и, соответственно, нередко игнорировала наличие *общекрестьянских* интересов, прежде всего экономических. Защита этих интересов расценивалась как кулацкие выступления.

С другой стороны, переоценивать монолитность и традиционность крестьянского сообщества не следует². Дело не только в том, что крестьянство в 20-е гг. не преодолело внутренний раскол времен гражданской войны. В переломные моменты истории, когда происходит ломка общественного сознания, часто очень болезненная, система традиционных ценностей приходит в противоречие с

личным опытом индивида, продолжая в то же время оказывать существенное влияние на его поведение и на отношение к действительности. Общественное сознание пытается совместить несовместимое, возникает новое представление об окружающем мире, часто весьма далекое от действительности.

И все же послереволюционное крестьянство продолжало оставаться носителем идеологии государственности. Восприятие крестьянами общественного порядка, как правило, зависело главным образом от того, насколько существовавший строй позволял выжить крестьянскому хозяйству, обеспечить хотя бы минимальный прожиточный уровень. Даже внутривластные дискуссии 20-х гг. волновали крестьян в первую очередь с точки зрения возможности сохранения стабильности: «Мы уже чувствуем, что хозяйство поправляется, чувствуем спокойную обстановку, а вы начинаете спорить. Поспорите, разделитесь, расколется, может получиться неприятность для нашего хозяйства»³.

Политическая позиция крестьянства далеко не всегда проявлялась в открытых формах, таких как борьба за влияние на местные органы управления, критика или активная поддержка мероприятий государства в отношении деревни, противостояние власти, доходящее до восстаний. Она заключалась и в повседневном молчаливом, пассивном согласии или несогласии с мероприятиями власти.

В отношении крестьян к власти можно выделить два основных уровня: к советской власти как абстрактному понятию и к ее отдельным мероприятиям. По-разному воспринимало крестьянство центральную и местную власть. Обычными были рассуждения, вполне отвечавшие традиционному мировоззрению, что «власть-то в центре хороша, а вот здесь, на местах, работники-то плохие»⁴. Поэтому не удивительно, что благожелательное (или хотя бы пассивно-лояльное) отношение к советской власти как таковой нередко сопровождалось активным неприятием

повседневной деятельности власти. Не отождествляли крестьяне советскую власть и власть коммунистов.

Сложность отношения крестьянства к власти предоставляла руководству страны, с одной стороны, широкие возможности для маневра, с другой — часто приводила к совершенно неожиданным и нежелательным для руководящих работников последствиям.

После окончания гражданской войны деревня сосредоточилась на ведении хозяйства, не вникая глубоко в суть происходящих в стране политических процессов. «Утомленные, издерганные войнами, эпидемиями и неурожаями они [крестьяне] ныне все внимание свое употребляют лишь на восстановление своего хозяйства»⁵.

Крестьяне «не замечали» низовые органы советской власти — сельсоветы, относились к ним как организациям, существовавшим вне крестьянской жизни, а поэтому и выборы проходили формально, фактически советы не выбирались, а назначались, поэтому в их состав, как правило, входили немногочисленные деревенские коммунисты и представители бедноты. Абсентеизм был распространенным явлением.

К середине 20-х гг. положение меняется. Восстановление сельской экономики привело к тревоге власти по поводу усиления «кулацкой опасности». Ф. Э. Дзержинский в докладной записке в Политбюро ЦК РКП (б) в 1924 г. писал: «...теперь наметилась определенная тенденция к быстрому пробуждению общественной жизни в деревне», крестьянство «приобрело способность к ясному пониманию и учету своих интересов, сознательной постановке вытекающих отсюда задач и к резкой критике экономических мероприятий соввласти». Указывая на ряд наиболее тревожащих крестьян вопросов, таких как тяжелое положение бедноты, земельный вопрос, налоги, безработица, отсутствие кустарных и отхожих промыслов и пр. (т. е. прежде всего экономические проблемы), он указал на процессы, определявшие «современное крестьянское движение»: «рост политической активности и

сознательности крестьянства и его способности к сопротивлению, стихийное стремление к организованной защите своих интересов; обострение классовой борьбы в деревне, принимающее иногда формы террористических выступлений против представителей советской власти, новая широкая волна религиозных настроений, успешность распространения в деревне монархических и реставрационных идей»⁶. ОГПУ делало еще более резкие выводы: в деревне шел процесс создания единого антисоветского фронта, что могло привести «в ряде районов к повстанческому движению»⁷. Фиксировалось увеличение количества террористических выступлений против деревенских активистов в конце 1924 — начале 1925 гг.⁸

Современные исследования также свидетельствуют, что ситуация в деревне была достаточно напряженной: анализ перлюстрированных в 1925 г. крестьянских писем показал, что 64,7% крестьян, высказавших отношение к советской власти, относилось к ней позитивно, но 96,3% из них были недовольны местными органами власти⁹.

Все перечисленные явления, несомненно, не могли не волновать руководство страны. Оно попыталось найти новые формы сотрудничества власти и крестьянства, доказывавшие, что крестьяне являются «предметом забот власти, которая готова пойти на большие жертвы в деле помощи и восстановления крестьянского хозяйства»¹⁰. Была сформулирована политика «Лицом к деревне», ее составными частями являлись работа по оживлению советов и создание советского беспартийного крестьянского актива.

В 1925 г. был предпринят ряд мер по улучшению ситуации в деревне. Были проведены широкомасштабные обследования состояния «социалистической законности» в деревне, проверка деревенских партячеек, в ходе которых были отстранены от работы наиболее одиозные местные советские и партийные работники, что способствовало некоторому укреплению авторитета власти в глазах крестьян: «теперь мы понимаем, что партия строго контролирует своих коммунистов»¹¹.

В ряде районов были отменены результаты выборов 1924 г. и проведены повторные, проходившие без административного нажима. Крестьяне, сначала отнесшиеся к возможности свободных выборов настороженно, подозревая обман, постепенно поверили, что «сей год в советы будут выбирать сами крестьяне, а не коммунисты»¹². В сельсоветы избирались действительно авторитетные крестьяне. Сократилось количество террористических выступлений.

Казалось, что обстановка в деревне стабилизируется, но проведение новой политики повлекло за собой и нежелательные для власти последствия.

Результаты выборов 1925 г. свидетельствовали, что крестьяне попытались избавиться от чрезмерного представительства коммунистов в органах управления, что вполне объяснимо: в сельском хозяйстве было занято меньше половины деревенских коммунистов, причем 2/3 из них были бедняками¹³. Коммунисты-бедняки не могли пользоваться у крестьян авторитетом, возможности же середняков — даже активных сторонников советской власти — для вступления в ВКП (б) были сильно ограничены. Как писал в письме один из крестьян, «для крестьянина-середняка двери в партию закрыты, как двери рая. ... Крестьянство призывается к советскому строительству, но в партию что-то не шибко пускают, как будто не доверяют»¹⁴.

Распространялись слухи, что «песенка коммунистов спета», что советской власти они были нужны, пока «собирали разверстку», что коммунистическая партия не справилась с управлением и была вынуждена пойти на «политический нэп», что крестьяне вполне «справятся и без коммунистов» и т. п.¹⁵

Опыт первых месяцев работы нового состава сельсоветов показал, что они перестали быть покорными исполнителями распоряжений власти. Некоторые работники сельсоветов, не желая портить отношения с односельчанами и руководствуясь главным образом своими представлениями о справедливости, самоустраивались от проведения

различных кампаний, в первую очередь, по сбору сельхозналога, отказывались применять репрессивные меры по отношению к недоимщикам, участвовать в работе по выявлению скрытых объектов обложения и т. п. В одном из сел Поволжья сельсовет так охарактеризовал свое отношение к постановлениям власти: «Не все распоряжения высшей власти должны нами выполняться, а только те, в которых мы видим необходимость в целях поддержания наших хозяйств»¹⁶.

Многие «профессиональные» председатели и члены сельсоветов растерялись, не зная, как работать в новых условиях, и заняли выжидательную позицию. Часть из них не восприняла новые лозунги всерьез, считая их агитацией, не подтвержденной реальными мероприятиями, а объявленную политику демократизации преждевременной, так как она неизбежно приведет к усилению влияния кулачества, к тому же «уж очень много хлопот с этой демократией»¹⁷. Среди деревенских коммунистов распространялось «уныние, недопонимание линии партии в деревне, паника перед кулацкой опасностью, потеря революционной перспективы», некоторые парторганизации мечтали о возвращении чрезвычайных мер времен гражданской войны: «если бы нам дали хоть два дня 1920 г., мы бы с ними расправились»¹⁸.

Работа по созданию беспартийного крестьянского актива способствовала росту популярности идеи о создании Крестьянского союза, который власть оценивала как безусловно антисоветскую организацию, несмотря на то, что в большинстве случаев крестьяне предполагали создать не политическую партию, а аналог рабочего профсоюза, защищающего прежде всего экономические интересы крестьян.

Неудачным для руководства страны оказался 1925/26 г. и в экономической области. Хлебозаготовительная кампания (не в последнюю очередь из-за непоследовательной политики власти) была провалена¹⁹.

В этих условиях власть сделала ставку не на вовлечение в деятельность советов политически активного крестьянства, а на работу с беднотой, о необходимости активизации которой было объявлено уже в 1925 г. Эта политика была воспринята и крестьянами, и представителями низовых органов власти, и деревенскими коммунистами неоднозначно. Сразу же выявились две противоположные точки зрения: или наличие кулаков отрицалось и открыто говорилось об опасности внесения раскола в относительно монолитное крестьянское общество, или, наоборот, новая политика понималась как возвращение к комбедам, как разжигание классовой борьбы в деревне и возможность вновь «прижать кулачка».

Кампанейщина в работе, малоэффективная экономическая помощь государства бедняцким хозяйствам приводили к тому, что мероприятиями в этой области были недовольны не только зажиточные и середняки, раздраженные чрезмерным, по их мнению, вниманием к «лодырям», но и сама беднота, тем более, что декларации правительства нередко порождали неоправданные иждивенческие настроения.

К концу 20-х гг. власти так и не удалось сформировать из бедноты в союзе со средним крестьянством прочную социальную опору. Более того, навязывание беднякам главной роли в местных органах власти обострило внутрисоциальную ситуацию в деревне и усилило недоверчивое отношение середняков к советской власти, подталкивая их к союзу с зажиточным крестьянством против бедноты. Экономический нажим на крепкие хозяйства разрушил традиционные патерналистские отношения внутри крестьянского общества: зажиточные вынуждены были увольнять наемных работников, отказывались давать в долг, что в условиях нехватки хлеба в деревне (с помощью чрезвычайных мер в ходе хлебозаготовок изымались не только излишки) ставило семьи бедняков на грань физического выживания. В этих условиях часть бедноты продолжала отстаивать общекрестьянские интересы,

превратившись в «подкулачников», другие же сделали ставку на безусловную активную поддержку государственной политики или молчаливую покорность.

Что касается отношения крестьян к лозунгу «Лицом к деревне», то с самого начала высказывались сомнения в искренности власти: "Эта власть хуже всех, она хитро затягивает петлю на крестьянской шее, поворачиваясь лицом к крестьянству, а пройдет немного времени, тогда она замучает нас налогами, от нас отберут последнюю корову, а уже тогда они повернутся к нам спиной, и опять останемся, как и раньше"²⁰.

Надежда, что вновь избранные сельсоветы станут защитниками интересов крестьян, не оправдалась. У сельсоветов не было главного — средств для ведения хозяйственной деятельности, поэтому в деревне середины 20-х гг. существовало своеобразное двоевластие — формально сельсовет и фактически земельное общество²¹.

Во время выборов 1927 и 1929 гг. вновь ужесточились критерии лишения избирательных прав, что позволило отсеять от участия в выборах значительную часть политически активного крестьянства. В 1929 г., несмотря на уверения официальной пропаганды, что кулачеству противостоит союз бедноты и середняков, отношения между последними двумя социальными слоями крестьянства оставались очень напряженными, в ряде случаев доходя до открытой конфронтации. Избирательная кампания сопровождалась массовыми нарушениями прав среднего крестьянства, когда некоторые деревенские коммунисты вновь ощутили возможность «согнуть середняка в бараний рог»²².

Наибольшее недовольство крестьян вызывали кампании по хлебозаготовкам и сбору налогов в 1928—1929 гг., проводившиеся с помощью чрезвычайных мер. Силовое воздействие казалось руководителям партии и государства самым простым и эффективным способом достигнуть поставленных целей, однако, в конечном итоге подрывало доверие крестьян к власти, приводило иногда к

открытым восстаниям крестьян, а чаще к пассивному, не сразу заметному, но зато постоянному противодействию мероприятиям власти.

В результате теоретические представления крестьян о советской власти все заметнее вступали в противоречие с практикой. Увеличивалось количество откровенно антисоветских выступлений. Но все же крестьяне продолжали верить, что руководство страны может «поправить» местных работников. Сохранению этих иллюзий способствовало рассмотрение и удовлетворение значительного количества крестьянских жалоб, обработка общественного мнения, когда вина за все «перегибы» перекладывалась на местные органы власти. Одновременно в ходе хлебозаготовок ужесточались репрессии, которые еще до начала массовой коллективизации заметно ослабили наиболее политически активную часть крестьянства.

К концу 20-х гг. крестьянство пришло расколотым, у советской власти были как активные сторонники, так и убежденные противники, но большая часть крестьян продолжала относиться к власти как к силе, к которой необходимо приспособливаться. Именно их позиция предопределила в конечном итоге «победу» колхозного строя.

Библиография

¹ См. подробнее: *Голубев А.В.* Россия, век XX-й... // Отечественная история. 1997. № 5. С. 80—92; *Его же.* Советское общество: жизнь в катастрофе исторический тупик или этап в развитии? // На фронте истории Гражданской войны. М., 2008. С. 386—416.

² См., напр.: *Виола Л.* Крестьянский бунт в эпоху Сталина: Коллективизация и культура крестьянского сопротивления. М., 2010.

³ ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 103. Д. 83. Л. 18.

⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 69. Д. 54. Л. 96

⁵ «Совершенно секретно»: Лубянка Сталину о положении в стране. Т. 1. М. 1998. С. 168.

⁶ Советская деревня глазами ВЧК—ОГПУ—НКВД. Т.2. М., 2000. С. 205, 206.

⁷ «Совершенно секретно»... Т.2. М., 2000. С.318.

⁸ В первой половине 1924 г. в России и на Украине был зарегистрирован 121 случай так называемого «кулацкого» террора, во второй половине — 218, в I и II кварталах 1925 г. — соответственно 371 и 288, а во втором полугодии — только 243. Советская деревня... С. 1032.

⁹ См.: *Izmozik V. S. Voices from the Twenties: Private Correspondens Intercepted by the OGPU // The Russian Review. Vol.55. April 1996. P. 288—289.*

¹⁰ Советская деревня... С. 206.

¹¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 69. Д. 54. Л. 48.

¹² Там же. Оп. 68. Д. 297. Л. 65.

¹³ Там же. Оп. 69. Д. 54. Л. 53.

¹⁴ Советская деревня... С. 421.

¹⁵ ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 103. Д. 695. Л. 19; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 68. Д. 299. Л. 26.

¹⁶ «Совершенно секретно»... Т. 3. Ч. 1. М., 2001. С. 367.

¹⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 68. Д. 402. Л. 3—4.

¹⁸ Там же. Д. 113. Л. 1.

¹⁹ *Ильиных В. А. Хроники хлебного фронта (заготовительные кампании конца 1920-х годов в Сибири. М., 2010. С. 65—81.*

²⁰ ВЧК—ОГПУ о политических настроениях северного крестьянства. 1921—1927 годы (по материалам информационных сводок ВЧК—ОГПУ). Сыктывкар, 1995. С. 94—95.

²¹ *Кудюкина М. М. Органы управления в деревне: сельсовет и сход. 1926—1929 гг. // Историческое значение НЭПа. М., 1990. С. 109—128.*

²² ГАРФ. Ф. 17. Оп. 107. Д. 419. Л. 55.